УДК 930.1(045)

Л.П. Репина, Г.П. Мягков

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается содержание понятия интеллектуальной культуры и определяются направления её изучения. Подчеркивается необходимость системного анализа при особом внимании к интеллектуальной коммуникации, к её различным историческим воплощениям – от «реальных» научных школ до виртуальных трансдисциплинарных научных сообществ настоящего времени. Одно из центральных мест в проблематике истории интеллектуальной культуры, на наш взгляд, занимает изучение интеллектуальных традиций. Важной новацией в осмыслении интеллектуальных традиций стал выход за рамки истории идей, теорий и концепций и обращение к судьбам их творцов – интеллектуалов и интеллектуальных сообществ. Фиксируется произошедшее под влиянием современных эпистемологических поворотов формирование основанной на принципах взаимодополнительности социальной и культурной истории, микро- и макроанализа, объяснения и понимания неоклассической модели историописания, изображается эвристическое её значение на примере коренных изменений в области изучения научных сообществ дореволюционной России.

Ключевые слова: интеллектуальная коммуникация, интеллектуальное сообщество, научные школы, «невидимый колледж», антропологизация историографии, научные сообщества дореволюционной России.

Интеллектуальная культура – понятие весьма сложное по своему содержанию. Интеллектуальная культура каждой эпохи многослойна: это и так называемая элитарная, и профессиональная культура, и идеи, разлитые в обществе (на разных его уровнях), мыслительный инструментарий, ключевые концепты, логические приемы, способы концептуализации окружающего мира природы и социума, интеллектуальная деятельность и поддерживающие ее формальные и неформальные институты, коммуникативные практики интеллектуальных сообществ и научных школ, все формы и средства интеллектуального общения в их целостном социально-культурном контексте и взаимоотношениях с «внешним» миром культуры. В исторических реконструкциях интеллектуальной культуры скрещиваются перспективы «истории вообще», истории ментальностей и исторической антропологии, исторической когнитивистики, социальной истории и социологии науки, «автономных» дисциплинарных историй, исторической биографики.

Интеллектуальная культура формируется и развивается в определенных координатах пространства и времени, и системный анализ интеллектуальной культуры эпохи невозможен без исследования более широкого контекста интеллектуальной деятельности. В каждую историческую эпоху с изменением условий существования по-своему раскрываются природа и возможности человека, отношения с окружающим миром, социальные взаимодействия, познавательные приоритеты, ведущие тенденции в развитии культуры. Речь идет об определенном общекультурном фонде: базовых идеях, представлениях, ценностях, стереотипах, символах, мифах, различных элементах «ментальной программы» с учетом процесса и эффекта кросс-культурных и кросс-темпоральных взаимодействий, наиболее ярко проявляющихся в интертекстуальной реальности интеллектуального пространства – в форме продолжающейся (непрерывно или с существенными временн*ы*ми разрывами) серии коммуникаций между автором и последующими поколениями читателей и интерпретаторов [20. С. 15-19].

Примечательно, что уникальность исторической эпохи оказывается прочно зафиксирована в специфике ее интеллектуальной культуры [18. С. 5-15; 12], именно с ключевыми характеристиками интеллектуальной культуры связывается образ всей эпохи. Действительно, в каждую эпоху складывается некий «стиль мышления», привычный алгоритм рассуждений и определенный набор идей, который присутствует не только в учениях или оригинальных суждениях интеллектуалов, но становится частью мыслительного инвентаря многих людей, доминирует в интеллектуальной жизни целого поколения или ряда поколений. Тем более важно понять реальное взаимодействие элементов интеллектуальной культуры (субкультур) в сложном по своему социальному и образовательному составу обществе, выявить те модели, по которым в данном социуме осуществлялись кросс-культурная коммуникация, восприятие и распространение новых идей (как в социокультурном пространстве, так и во времени). Одно из направлений изучения интеллектуальной культуры – анализ конкретных процессов обращения идей в виде знаний, мнений, разного рода информации в многослойном пространстве культуры. Интеллектуальная коммуникация с помощью корпуса циркулирующих внутри нее текстов, имеющих форму переписки,

книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров, не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для него язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру. Известны такие исторические воплощения интеллектуальной коммуникации, как «реальные» научные школы и кружки ученых, а также виртуальные междисциплинарные сообщества, например кружки гуманистов в эпоху Возрождения, или *Invisible College* (неформальная группа ученых, образовавшая позже Лондонское Королевское общество), и знаменитая *La République des Lettres* эпохи Просвещения, или же современные сетевые интернет-сообщества. В настоящее время понятием «невидимый колледж» часто обозначаются неформальные интернациональные трансдисциплинарные научные сообщества.

Нельзя понять интеллектуальную культуру любой исторической эпохи во всей ее полноте без раскрытия многих последствий транстемпоральной коммуникации (в том числе опосредованной – через перевод или комментарий): актуализация и рецепция «старых» текстов в новых социокультурных условиях, усвоение идей, опирающихся на опыт прошлого, и их отражение (переосмысление в новом контексте) в идеях и представлениях настоящего без учета всех механизмов распространения *новых* интеллектуальных форм. Концепции интеллектуалов обычно рассматриваются в трех разных контекстах: 1) как на них повлияли идеи предшественников; 2) какое влияние они сами оказали на взгляды окружающих, как именно их представления отражают развитие культуры своей эпохи, как они смогли понять и выразить основной смысл и направление ее развития; 3) какова роль их идейного наследия для потомков (в разных масштабах – от национального до общечеловеческого).

Вопрос о преемственности и инновациях затрагивает самую сердцевину проблематики истории интеллектуальной культуры – изучение интеллектуальных традиций и «школ мысли». Интеллектуальная традиция выступает одновременно как необходимое условие интеллектуальной деятельности и как ее производное, а также как форма и способ сохранения интеллектуального наследия. Разумеется, рецепция и усвоение интеллектуальной традиции в новых исторических условиях сопровождаются отбором тех или иных элементов наследия, внутренним развитием самой традиции и динамикой ее «культурного дрейфа». Интеллектуальная традиция рассматривается не только как преемственность идей и способов мышления, но и как процесс воссоздания, активного восприятия, селекции, переформатирования, творческого преобразования, преодоления или возрождения. В настоящее время изучение интеллектуальных традиций (в том числе научных) далеко выходит за рамки истории идей, теорий, концепций, систематически обращаясь к анализу конкретных способов их формулирования в соответствующих текстах и к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, а также к судьбам их творцов – интеллектуалов и интеллектуальных сообществ, которые выступают в качестве создателей, хранителей, интерпретаторов и трансляторов той или иной интеллектуальной традиции [5; 6]. Существуют различные определения понятия «интеллектуальное сообщество», подчеркивающие, как правило, одну из сторон этого явления – коммуникативную, институциональную либо содержательно-деятельностную. Тем не менее в некоторых определениях они частично соединяются. Если исходить из того, что данное понятие имеет не только нормативное, но и качественное содержание, то интеллектуальное сообщество – это общность людей, ориентированных на креативность, использующих интеллект как ресурс для производства новых смыслов и способных создавать новые социально значимые формы [22. С. 16].

В связи с исследованием бытования, соперничества и взаимодействия интеллектуальных традиций в синхронном и диахронном контекстах (в долговременной исторической перспективе) формальные и неформальные интеллектуальные сообщества разных типов, система социальных институтов, обеспечивающих и регулирующих интеллектуальную деятельность, воспроизводство и конкуренцию интеллектуальных традиций, оказались в центре внимания социологии социальных сетей Р. Коллинза, предпринявшего сравнительный анализ основных тенденций интеллектуального развития. Следует подчеркнуть принципиальное значение авторской установки, которая состоит в том, что непосредственное социальное влияние на конструирование идей оказывает именно сетевая структура отношений между интеллектуалами, реконструируемая на основе биографических данных и учитывающая не только прямые, но также опосредованные контакты среди современников, являющихся коллегами, союзниками или соперниками [24].

Важный ракурс анализа традиций мышления и интеллектуальной деятельности направлен на ключевой момент самоидентификации, функцию взаимопризнания и выстраивания общей генеалогии. Как правило, подчеркивается нормативная и репродуктивная функции, инертная связующая и

принуждающая сила традиции, а также роль интеллектуальных сообществ и образовательных институтов в ее реализации. В такой интерпретации как будто нет места изменениям, однако многовековая традиция, воспринятая из разнообразных источников, будучи живой, содержит следы множества опосредований, интеллектуальных коммуникаций и взаимодействий, идейных споров и конфликтов, порождающих ростки нового в старых культурных напластованиях. Новое возникает и развертывается в рамках сложившихся и конкурирующих традиций, креативный потенциал которых не стоит игнорировать. Таким образом, изучение интеллектуальных традиций неразрывно связывается с историей формальных и неформальных интеллектуальных сообществ самых разных масштабов и конфигураций.

Восприятие исторического наследия включает не только копирование / воспроизведение, но цепь «пересозданий», несущих в себе импульсы обновления. Немаловажную роль в этом процессе играет изменение условий интеллектуальной жизни (особенно в ситуациях радикальных социальных и культурных трансформаций) и создание новых институтов (например, таких как университеты). Решение проблемы соотношения континуитета и дисконтинуитета, культурных трансформаций между двумя эпохами в истории мысли требует весьма тонкого анализа массивного комплекса текстов (как канонических памятников традиции, так и «второстепенных», но составляющих часть общего дискурсивного поля) и документов, освещающих социально-политические, организационно-институциональные и материальные условия и конкретные жизненные ситуации интеллектуальной деятельности, сложные перипетии трансляции знаний, идей и ценностей, способов сохранения духовного опыта предшествующих поколений и механизмов культурного обновления.

Исторические изменения в условиях, формах и содержании деятельности по распространению идей и инноваций, межличностные связи в интеллектуальных сообществах, принципы организации и производства знания, формы интеллектуальных практик и научных коммуникаций как важнейшего механизма развития науки – все эти проблемы актуализировались в связи с информационной революцией XX в. Профессиональные академические сообщества выступают субъектами получения, сохранения и трансляции знания, в том числе исторического. История исторической науки под влиянием «лингвистического поворота» отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка; под влиянием «антропологического поворота» сформировала интерес к человеку науки, к его повседневному миру, приватным формам общения, к тем интеллектуальным сетям, которые складывались вокруг него. Начиная с рубежа XX–XXI вв., историографы, обратившись к поиску «реальности вне дискурса», в центр внимания поставили коммуникативные процессы.

К признанию особой роли *коммуникативных систем* пришло в своем развитии неклассическое социальное знание (социология науки, науковедение), представленное различными версиями интерпретативных, постструктуралистских и конструктивистских подходов [2. С. 19-34]. «Преодолению» образа науки как системы знания с её нормативностью и логико-методологической суверенностью способствовали следующие учения: учение Р. Мертона об «этосе науки», о «незримом колледже» как особой форме организации свободных научных коммуникаций между учеными вне рамок институциональных структур, концепция «личностного (неявного) знания» М. Полани, учение Т. Куна о парадигмальном строе науки, в свете которых научное сообщество предстает рациональным субъектом научной деятельности, объединяющим ученых на основе близости их взглядов, субъективных представлений о целях и средствах научной деятельности. Особую роль в формировании неклассического понимания феномена научного сообщества сыграли постструктуралистская концепция дискурса Ю. Хабермаса, теория капиталов и концепция габитуса П. Бурдье, много сделавшего для обоснования субъективно-объективной природы научного сообщества как части социальной реальности.

Происходившие на рубеже 1980–1990-х гг. в России процессы открыли возможность актуализации и нового решения историографических проблем, которые в условиях господства в гуманитарных и социальных науках моноидеологии на протяжении большей части XX-го столетия были, по сути дела, «репрессированными». К числу таковых должна быть отнесена и проблема научных школ вообще и возникших в России во второй половине XIX в. школ М. С. Куторги, В. О. Ключевского, В. И. Герье, Н. И. Кареева, И. М. Гревса в частности. Теоретико-методологической основой реализации указанной возможности стал переход от сложившейся еще на рубеже 1920–30-х гг. модели исследования истории исторической науки, подходившей к феномену научных сообществ с позиций гипертрофированной классовой оценки, к модели, ориентирующей на изучение данной проблемы в системе координат антропологической парадигмы [9. P. 191-192; 16. С. 208-212].

Результатом этого следует признать коренные изменения в области изучения истории научных сообществ дореволюционной России – от бессистемности научного аппарата структурирования историографического пространства, выделения в науке направлений и школ по классовому признаку и соответствующей их оценки к разработке «целого ряда аналитических (в том числе монографических) описаний “школ”» по критериальным основаниям: 1) подходы к изучению русской истории («запечатлены» в традиционных наименованиях: «скептическая», «государственная» / «юридическая»); 2) «органика бытия в пространстве русской науки и русской культуры» («московская» – славяноведение, антропология; «петербургская» – востоковедение, византиноведение и т. д.); 3) национальная топика науки («русская» – изучение всеобщей истории); 4) персонологический фактор («школа В.О. Ключевского», «школа П. Г. Виноградова», «школа В. И. Ламанского» и т. д.) [1. С. 372].

В последние годы особенно интенсивно изучались именно научные школы, в том числе и связанные с персональным лидерством. Сегодня в распоряжении читателей целая серия исследований, открывших и доказавших присутствие на поле российской исторической науки второй половины XIX – начала XX в. научных школ лидерского типа: «школа М. С. Куторги», «школа В. О. Ключевского», «школа В. И. Герье», «школа Н. И. Кареева», «школа П. Г. Виноградова», «школа С. Ф. Платонова», «школа А. С. Лаппо-Данилевского», «школа И. М. Гревса»… Данный факт вызывает особое удовлетворение потому, что еще совсем недавно большинство историографов не рассматривали эти школы в качестве предмета исследования и не ставили перед собой задачи науковедческого плана.

Таким образом, антропологизация историографии позволила связать «мир науки» и его творцов с «миром повседневности» в единое целое и представить более сложную картину развития науки.

При обращении к изучению творчества названных историков, их многогранной деятельности как создателей научных школ историографы уже могли опираться на современные представления о научной школе в сфере гуманитарного знания как открытой системе, взятой в единстве коммуникативных характеристик, идейно-методологических ориентаций, тематики конкретно-исторических разработок, схоларных практик. Была акцентирована роль личностного знания, поставлены вопросы о развитии историографической компаративистики, получила разработку тема роли лидера и лидерства как социокультурного явления. В научном сообществе получила одобрение идея о том, что понятия «направление», «течение» фиксируют не иерархические уровни, а лишь ориентации самих школ в коммуникационной, политической, философской и тематической сферах. В схоларных исследованиях происходил стремительный подъем «антропологического градуса». Приоритеты все более отдавались культурологическому подходу с его практикой включения историографического знания в культурное пространство эпохи.

Однако конкретные историографические практики требовали дальнейшей рефлексии. На наших глазах происходит переход от антропологически ориентированного описания школ и их героев к построению неклассической модели историописания на принципах взаимодополнительности социальной и культурной истории, макро- и микроанализа, объяснения и понимания [14; 17; 19]. Самостоятельное значение в рамках антропологической модели приобрел коммуникативный подход, предполагающий рассмотрение научных сообществ как имеющих сложную коммуникативную структуру и находящихся в коммуникативном поле науки и общества в целом [7; 10; 13; 18].

Почти одновременно ряд авторов актуализировали уже известное определение научной школы как открытой, неформальной, сплоченной социальной группы профессиональных ученых и обратили внимание на такой «школьный» критерий, как самоидентификация ученых и необходимость признания школы со стороны научного сообщества и общества в широком смысле этого слова [3; 4; 21; 23 и др.].

Проблемой, с которой сталкиваются исследователи схоларной проблематики, является идентификация того или иного ученого как представителя конкретной школы. В реальной практике талантливые историки по разносторонней проблематике своих трудов, личным связям и т. д. могут быть причислены к разным научным сообществам. В новейшей литературе можно считать установленным, что научные школы являются открытыми, что им может быть присуще разнообразие внутришкольных ориентаций и даже парадигм; вполне возможна интерференция, взаимное пересечение границ научных школ, следствием чего оказывается пребывание тех или иных ученых в двух-трех школах сразу, а также мягкость миграции индивидов из одной школы в другую [15; 10; 11].

В результате предметом всевозрастающего внимания исследователей становятся межличностные коммуникации и обнаруживается одно из новых направлений изучения интеллектуальной культуры. Современные ученые обращают внимание на продуктивность исследования не только фактов

позитивного взаимодействия субъектов (сотрудничество, наставничество и ученичество и т. д.), но и феномена конфликта и соперничества в научной среде. Обращение, казалось бы, к сугубо личностным взаимоотношениям позволяет увидеть скрытые механизмы функционирования и продуцирования научного знания, при этом межличностные коммуникации ученых выступают как наиболее интимная часть рефлексивного пласта науки. Анализ коммуникативных практик создает возможность выйти за пределы традиционных предметных областей истории исторической науки, сводящихся, как правило, к изучению институций и концептуальных построений. Предметной областью становится то, что определяется как «сети общения». В связи с этим представляет интерес изучение феномена исторической школы с точки зрения присущих ей особенностей коммуникации: синтеза формальных и неформальных процессов, устных и письменных элементов, непосредственных и опосредованных связей и т. д.

Иными словами, на сегодняшний день выработана *антропологическая модель научной школы*. Ее черты ярко демонстрирует одна из самых значительных научных школ в исторической науке России, сформировавшаяся во второй половине XIX в. – школа В. И. Герье. Становление этой школы на «переплетении» научных коммуникаций западноевропейской науки и формирующейся в России науки всеобщей истории позволяет наглядно проследить совокупность видов профессионального общения в научном сообществе XIX в. как механизма функционирования и развития науки. Специфика научных коммуникаций этого времени четко проявляет значимость непосредственного личного общения для стимулирования творческой активности ученых.

Интенсивное изучение школ в российском интеллектуальном пространстве уже способствовало образованию своеобразной лаборатории. В рамках схоларной проблематики продолжает накапливаться материал, проливающий новый свет на особенности научных коммуникаций и циркуляции интеллектуальной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беленький И. Л.* Российское научно-историческое сообщество в концеXIX – начале XXI в.: публикации и исследования 1940-х – 2010-х гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под. ред. Г. Бордюгова. М., 2011.
2. *Бурганова Л. А.* Научное сообщество: объективная versus субъективная реальность? // Социальное конструирование реальности: опыт социологических исследований / под ред. Л. А. Бургановой, Г. П. Мягкова. Казань, 2010.
3. *Гришина Н. В.* «Школа В. О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010.
4. *Иванова Т. Н.* Научное наследие В. И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010.
5. Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков / под общ. ред. М. С. Петровой, Л. П. Репиной. М., 2010.
6. Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (исследования и переводы) / под общ. ред. М. С. Петровой. М., 2012.
7. *Корзун В. П.* Научное сообщество отечественных историков в коммуникативном пространстве XX века (конструирование нового проблемного поля) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М., 2011.
8. *Корзун В. П., Мамонтова М. А., Коновалова Н. А.* Выход за пределы личного измерения: модели и факторы динамики образа исторической науки // Вестник Омского университета. 2011. № 4.
9. *Корзун В. П., Мягков Г. П.* Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Journal of Modern Russian History and Historiograpy. Leiden: Brill. 2013. № 6. URL: http//www.brill.com.
10. *Корзун В. П., Рыженко В. Г.* Коммуникативное поле современной исторической науки // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 37. М., 2011.
11. *Леонтьева О. Б.* «Субъективная школа» в русской мысли: Проблемы теории и методологии истории. Самара, 2004.
12. *Леонтьева О. Б.* Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв. Самара, 2012.
13. *Мамонтова М. А.* Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 36. М., 2011.
14. *Могильницкий Б. Г.* «Антропологический поворот» в свете антитезы макро- и микроисторических подходов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 28. М., 2009.
15. *Мягков Г. П.* Историк в «своей» научной школе: проблема «внутришкольной» коммуникации // Историк на пути к открытому обществу: материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2002.

16. *Мягков Г. П.* Научное сообщество историков дореволюционной России в свете «старой» и «новой» модели историографического исследования // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 34. М., 2011.
17. *Рамазанов С. П.* О принципе дополнительности в историческом познании // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 43. М., 2013.
18. *Репина Л. П.* Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. № 22. М., 2008.
19. *Репина Л. П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры: сб. ст. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск, 2011.
20. *Репина Л. П.* Книжное наследие в пространстве интеллектуальной культуры: парадоксы исторической динамики // Библиотековедение. 2013. № 5.
21. *Свешников А. В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.
22. *Семененко И. С.* Интеллектуальные сообщества: диалектика консолидации // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / отв. ред. Л. П. Репина, Л. А. Фадеева. М., 2007.
23. *Цыганков Д. А.* Профессор В. И. Герье и его ученики М., 2010.
24. *Collins, Randall.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge, Mass., 1998.

Поступила в редакцию 17.04.14

L.P. Repina, G.P. Mjagkov

INTELLECTUAL CULTURE AND RESEARCH COMMUNICATIONS

The paper examines the content of the notion of intellectual culture and defines the directions of its research. The authors underline the necessity of the systemic analysis with the special attention to the intellectual communication and its various historical forms - from the “real” research schools to virtual transdisciplinary research communities of our time. The authors believe that the study of intellectual traditions takes one of the central places among the problems of intellectual culture history. An important innovation in comprehension of intellectual traditions is the overrun beyond the limits of the history of ideas, theories conceptions and turning to fates of their creators – intellectuals and intellectual communities. The authors consider the role of recent cognitive turns in formation of the neo-classical model of history writing based on the principle of complementarity of micro- and macro-analysis, explanation and understanding. They demonstrate the heuristic potential of this model by an example of radical changes in the field of studying the research communities in pre-revolutionary Russia.

Keywords: intellectual communication, intellectual community, scientific schools, “invisible college”, anthropologization of historiography, the research community of pre-revolutionary Russia.

Репина Лорина Петровна,
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора
Института всеобщей истории РАН, заведующая Отделом историко-теоретических исследований, руководитель Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН
ФГБУН «Институт всеобщей истории» РАН)
119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д.32-А
E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Repina L.P.,
Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, Professor, Vice Director
of the Institute of World History,
President of the Russian Society for Intellectual History
Institute of World History
119334, Russia, Moscow, Leninsky pr. 32-A
E-mail: lorinarepina@yandex.ru

Мягков Герман Пантелеймонович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: gmyagkov@yandex.ru

Myagkov G.P.,
Doctor of History, Professor
Kazan (Privolzhsky) Federal University
4260068, Russia, Kazan, Kremlyovskaya st, 18
E-mail: gmyagkov@yandex.ru